

ПРОНИКНОВЕНИЕ БИБЛЕЙСКОЙ КАРТИНЫ МИРА В КУЛЬТУРЫ РАЗНЫХ НАРОДОВ (на материале вавилонской, германо- скандинавской, финно-угорской мифологии)

А. В. ЛЕБЕДЕВ,

*кандидат культурологии,
доцент кафедры английского языка для профессиональной
коммуникации ФГБОУ ВПО «МГУ им. Н. П. Огарёва»
(г. Саранск, РФ)*

Существуют разные теории возникновения жизни на Земле: от Божественной идеи до теории эволюции Дарвина, а также промежуточные и компромиссные концепции. Приверженцы эволюции считают ее установленным фактом и ссылаются на труд Ч. Дарвина «Происхождение видов», в котором, по их мнению, доказывается научность мироздания. Хотя теория Дарвина часто используется для подтверждения атеистических установок, сам исследователь, судя по всему, был далек от радикально атеистических позиций. Противоположная теория, рассматривая первые главы библейской книги «Бытие» исключительно буквалистически, постулирует, что Бог создал Землю и Вселенную из пустоты. Западная церковь от подобного толкования, свойственного в настоящее время некоторым протестантским группам, постепенно отошла. Так, папа Пий XII в своем труде «*Humani Generis*» (1950) признает теорию эволюции, определяя предназначение Бога как Творца, в том числе души человека.

В споре между естественно-научной теорией эволюции и религиозным мировоззрением библеисты выработали три варианта решения проблемы:

1) *теория отрицания* – отказ от всех результатов исследований, подтверждающих натуралистическую эволюцию Вселенной и естественное развитие человека, толкование библейских текстов как реалистических картин с точки зрения космического и биологического генезиса. Эта концепция протестантского фундаментализма пред-

ставлена, в частности, в труде Г. Морриса «Сотворение мира: научный подход»;

2) *теория конкордизма (согласия)* – указание на точные соответствия между теорией эволюции и повествованием Библии. Этот подход не всегда точен в представлении библейских литературных особенностей (А. Азимов «В начале», русский перевод труда “*In the Beginning*”);

3) *теория дифференцированного подхода*, рассматривающая процесс творения не с научной, а с религиозной стороны. Впервые такой подход был изложен в XII в. Г. Сен-Викторским, а затем Г. Галилеем и И. Кеплером. Подчеркнем, что подобное толкование в настоящее время является самым распространенным в католицизме и православии. Так, протоирей Клитин (1910) отмечал: «Никаких астрономических, геологических и других научных теорий... Моисеево сказание не имело в виду, а потому и сопоставление его с научными теориями никогда не достигало и не может достигнуть предположенной цели. Библия – не наука, и искать в ней ответов на разные научные запросы – это значит не понимать цели и характера Слова Божия» [5, 212]. При использовании дифференцированного подхода толкователями делается ударение именно на богословском смысле, заложенном в тексте Библии.

Отметим, что библейское повествование о сотворении мира имеет свои параллели в других культурах. Рассмотрение и сравнение мифологической модели мира у разных этносов требует определения некоторых ее составляющих, т. е. мифологии как систе-

мы фантастических представлений о мире и совокупности сказаний о богах и героях; мифов, представляющих собой античные, библейские сказания о сотворении мира и человека, рассказы о богах и героях; модели мира в мифологии, описывающей взаимосвязь пространства и времени, определяющей место человека в мифологизированном космосе, переход от мифического времени к историческому.

Религия Вавилона (племен Шумера и Аккада) явилась важной вехой в развитии теорий о сотворении мира. Она создала мифологические сказания, которые обожествляли явления природы, и описала жизнь богов по образу жизни людей. В древности существовало поклонение водным божествам хаоса Апсу и Тиамат и доброму божеству воды и мудрости Эа, а вода, по представлениям древних шумеров, — это начало жизни. В мифе о сотворении мира «Энума элиш» (букв.: когда вверху) верховный бог-творец Мардуг создал Вселенную, победил темные, злые силы хаоса в виде женщины-чудовища Тиамат и из ее тела создал мир. В сказании об этом событии написано следующее: «Владыка остановился, ее труп созерцая, туловище рассек он, премудрое замыслив: точно раковину, разделил его на две половины. Одну половину воздвиг он небесной крышей. Он задвинул засов, приставил к нему стражей, горные воды стечь приказал он им...» [8, 205–211].

Интересно, что параллели с библейскими концептами встречаются и в сказаниях, где упоминается Всемирный потоп. Так, в одном из самых известных произведений вавилонской мифологии «Поэма о Гильгамеше» ставится извечный вопрос о смысле жизни и неизбежности смерти человека. Под страхом смерти Гильгамеш отправляется в дальнее странствие к своему предку Утнапиштиму (единственному из смертных, получившему бессмертие) и пытается выведать у него тайну вечной жизни. Утнапиштим рассказывает о мировом потопе, о том, как бог Эа научил его построить ковчег и спастись от всемирной катастрофы, в результате чего его семья получила бессмертие от богов. Узнав тайну бессмертия, Гильгамеш все же не может стать бессмерт-

ным. В последних словах поэмы звучит мучительное желание человека познать тайну бытия, но блаженство в загробной жизни дается лишь тому, кто выполняет заповеди божи [4, 305].

Более поздняя германо-скандинавская мифология тесно связана с расселением племен и процессом христианизации. О германских племенах в Европе (в составе других индоевропейских племен) известно с конца Птыс. до н. э. По археологическим раскопкам и свидетельствам историков можно сделать вывод, что письменных доказательств существования германской мифологии не найдено [7, 262]. Однако в германских текстах X в. говорится о верховном боге Водане, упоминаются Фрия (Фрейя) с сестрой Фоллой. В 1643 г. епископ Б. Свейнссон обнаружил рукописный сборник древнеисландских песен XIII в. («Старшая Эдда», или «Королевский кодекс»). Исландский ученый и поэт С. Стурлусон составил сборник, источником которого послужили тексты Б. Свейнссона («Младшая Эдда»). Песни «Эдды» имеют определенный порядок: песни о богах (мифологические), песни о героях (эпические). У континентальных германских племен аналоги мифологии «Эдды» не прослежены, но все же можно идентифицировать имена основных богов: Водан или Один, Донар или Тор и т. п. Исключением является бог Локки, который играет большую роль в скандинавской мифологии.

Согласно германо-скандинавской истории создания мира, в самом начале были черная бездна (Гинунгагап), царство туманов (Нифльхейм), царство огня (Муспелльхейм), что можно связать с первоначальной бездной, о которой говорится в библейской книге «Бытие». Наряду с описанием начала в мифах существует изображение конечного времени (конца света), что составляет эсхатологическую модель.

Интересно проследить общие мифологические черты в описании потопа у различных этносов. Так, в англо-саксонском «Беовульфе», как и в некоторых других мифологиях, излагается история Всемирного потопа, после которого «богопротивные великаны исчезли с лица земли, однако продолжали жить в глубинах вод неиссякае-

мых» [2, 220]. Примечательно, что в поэме переплетаются христианские и языческие представления о мире. Например, героя, о христианских достоинствах которого неоднократно упоминается, хоронят по языческому обряду на погребальном костре с щитами и кольчугами, а затем скрывают прах павшего в высоком кургане. Таким образом, германо-скандинавская мифология позволяет судить о том, что очень долго сохранялось двоеверие: языческие боги не стали христианскими святыми, но и не превратились в низших злых существ. Образ Беовульфа, сказочного богатыря, наделен чудесными свойствами и способностью укротить враждебные силы природы, защитить родное племя. Кроме того, в поэме встречаются библейские персонажи (Авель, Каин, Ной) и предания (Сотворение мира, Всемирный потоп), наставления в христианском духе, христианская символика. В «Беовульфе» (перевод А. И. Корсуна) широко использованы приемы параллелизма, повторяющиеся мотивы, устойчивые словесные формулы; язык поэмы поражает богатством метафор:

Истинно!

Исстари слово мы слышим о доблести данов,
О конунгах датских, чья слава в битвах

была добыта!

Первый – Скильд Скевинг, войсководитель...
За все, что он выстрадал в детстве, найденыш,

Ему воздалось: стал разрастаться властный
под небом

И, возвеличенный, силой принудил

народы заморья

Дорогой китов дань доставить достойному

власти... [3]

Для финно-угорской мифологии характерно единство, основанное, в частности, на общих мифах о сотворении мира. Мордовскую мифологию, датируемую III–II тыс. до н. э., собрал и литературно обработал в XIX в. русский писатель П. И. Мельников-Печерский, а в XX в. – финский ученый Уно Хольмберг (Харва). В связи с особенностями языка и культуры мокши и эрзи общемордовского мифологического единства не существует, а образцами мордовской мифологии являются обряды, устное народное творчество и более поздние письменные произведения. Мордовский народ (эрзя, мокша), принадлежащий к уральской язы-

ковой семье, во многом сохранил древние религиозно-мифологические традиции, т. е. культ женских божеств и семейно-родовых предков, опираясь на совокупность религиозных верований народов финно-угорской языковой группы, а также других мировых традиций – индоиранской, восточнославянской и др. Кроме того, отдельные сюжеты заимствованы из ислама и христианства. Крещение мордвы произошло к середине XVIII в., но самобытные верования и обряды сохранились до настоящего времени. Изначально формой религиозных верований мордвы было поклонение антропоморфным божествам, а также вера в зооморфных предков (люди-птицы, люди-кони, люди-рыбы, люди-медведи, люди-пчелы), в практически синонимичное существование человека и животного (тетка Варака – «Варака патяй» – из мордовской сказки), в возможности превращения человека в животное и наоборот. Животный мир выступал посредником между живыми и мертвыми, небесным и земным мирами, а мир природы и человека был единым.

Мифологическая картина в мордовской мифологии состоит из трех миров: неба, земли, подземного царства, – соединенных мистической березой «келу»; плоская (круглая или четырехугольная) Земля омывается мировым океаном и лежит на белой рыбе (белуге) или на трех рыбах (белуге, осетре, севрюге), которые создают мировое равновесие и охраняются богиней Равой – Волгой. Приняв христианство, мордва не утратила свою ментальность, поэтому иконы по мордовской традиции назывались «Божья мать» («Паз-ава»), богиня Анге-патяй отождествлялась с Богородицей или с апокрифической Саломеей. Верховный бог Чипаз (м.), Чам-паз (э.) представляет собой существо неопределенного пола и творит человека: у эрзи – из глины, а у мокши – из древесного пня.

В мордовской мифологии преобладали женские божества, выступающие в человеческом (антропоморфном), животном (зооморфном), растительном или смешанном (гибридном) обликах. Поклонение божествам выражалось в жертвоприношениях и молитвах добрым богам, заклинаниях по

отношению к злым божествам. Пантеон мордовских языческих божеств представлял собой следующую структуру: небесные боги: главный бог Шкай (м.), Нишке (э.), мать богов Анге-патяй (м., э.), Микула (м.), Микула-паз (э.) – языческий прообраз Николая Чудотворца, божество солнца Чи-ава, божество луны Ков-ава, гром Пургине-паз и др.; земные боги: богиня земли Мاستоронь кирди (м.), Мастор-ава (э.), покровительница села Вель-ава (м., э.), богиня поля Пакся-ава (м.), Пакся Сярко (э.), богиня леса Вирь-ава (м., э.), покровительница дома, семьи Куд-ава (м., э.), божество хлеба и скотного двора Кардаз-ава (м., э.) и др.; подземные боги: злой дух Шайтан (м.), Идемевсь (э.), злые духи – его помощники.

Книга «Бытие» начинается с описания бездны, где Дух Святой носился над водой. В Новом Завете (2 Пет. 2:5) указывается, что «небеса и земля составлены из воды и водою». Здесь можно провести параллели с еще одним мордовским мифом, рассказывающим о том, что, когда на свете не было ничего, кроме воды, верховный бог Чам-паз плыл на камне по океану и думал о сотворении мира. Из его плевака появился Шайтан, который мечтал сотворить свой мир. В их противостоянии и возникло все на Земле. Например, на созданный Богом чистый небосвод Шайтан напустил темные тучи, на поверхность вод – выпустил ветры; Бог сотворил скот, Шайтан – хищных зверей и т. д. За злобу и гордыню Чам-паз проклял Шайтана и навсегда заточил его под дно морское. Снова прослеживается параллель с библейским сюжетом, где Дьявол низвергается Богом с небес. Каменная лодка в водах первичного океана является типичным мотивом в дуалистических легендах у финно-угров о равноправии двух творцов мира – Бога и Дьявола (Шайтана). Плевков, из которого возникает Шайтан, напоминает о происхождении нечистой силы в карельской и финской мифологии. Восхождение к христианским апокрифам выражается в традиции плевать через левое плечо, т. е. плевать на Дьявола [6, 112].

В легендах финно-угров часто говорится о равенстве Бога и Шайтана, которые пыта-

лись сотворить человека. После долгих споров они решили, что душа человека будет принадлежать Богу, а тело – Шайтану, поэтому после смерти тело обречено разлагаться в земле, а при жизни в человеке совмещается доброе и дурное. Когда Бог вложил в человека разум, Шайтан создал духов болезней, демонов, насылающих вредителей на поля, и т. д. Шайтан вселил в человека злобу, корысть и зависть, создал смерть, но Бог выкрал договор и стал распоряжаться судьбами людей при жизни. Бог разделил людей на 77 народов и языков, Число 77 является священным для народов Поволжья, что также находит свою параллель в христианстве, где число «семь» является символом Божественной полноты. Кроме того, Бог дал людям различные веры, при этом все они угодны Богу; считалось грешным переходить из одной веры в другую.

Богиня-мать (Анге-патяй) является богиней плодородия и обитает в своем небесном доме в образе прекрасной девы (христианская Богородица), а на земле появляется в виде старухи-богатырши или большой птицы с золотым хвостом и клювом. Анге-патяй – покровительница родов и рожениц, посылающая большое потомство; богиня-прялка, что связано с символикой рождения и определением судьбы. У разных народов пряжи пряли нити судьбы: христианская Богородица, греческие мойры, скандинавские норны. Кроме того, у мордвы существовали свои представления о святом семействе, сложившиеся под влиянием христианства: бог-отец (Чам-паз), богиня-мать (Анге-патяй) и их сын (Нишке). Чам-паз послал Нишке на землю, чтобы он помогал людям и пчелам, но Шайтан погубил сына божьего. После смерти Нишке на крыльях вознесся на небо.

В мордовской мифологии существует миф о пахаре-богатыре с именем Тюштян (Тюштень, Тюштя), который был избран правителем народа. Эрзя называла его *эрзянь кирди* («правитель эрзи») или *инязор* (*ине* – «великий»; *азор* – «хозяин, господин»); мокша – *Тюштень-оцязор* (*оцю* – «большой», *азор* – «хозяин») или *каназор* (от тюркского «хан»). Правитель согласился поделить землю в обмен на палку, которая должна зазеленеть во время пахоты. Зацветшая ветвь ста-

новится символом богоизбранного царя, что напоминает о библейском жезле Моисея, которым он заставил расступиться волны Черного моря. У финно-угорских народов существуют похожие описания ухода правителя. Так, карело-финский эпос «Калевала» описывает царя Вяйнямейнена, который после смерти оставляет народу свое кантеле (музыкальный инструмент). Герой мордовского эпоса Тюштян оставляет трубу. Когда враги одолели его, он поднялся на большое дерево и оттуда вознесся на небо, по другим легендам – ушел со своими людьми за море, которое расступилось от взмаха его жезла.

Мифологические представления мордвы о героях и справедливом царе выражены в произведениях «Сияжар» (1973), «Песня о князе Тюштя» В. К. Радаева (1991). Авторский коллектив ученых и поэтов под редакцией А. М. Шаронова в 1994 г. выпустил труд «Масторава» на эрзянском языке, в 2001 г. – на мокшанском, в 2003 г. – на русском языке. Считается, что после финской «Калевалы» и эстонского «Калевипозэга» «Масторава» стала третьим полноценным финно-угорским эпосом. Само слово «Масторава» в мордовском фольклоре обозначает три понятия: земля как космический объект; богиня эрзяно-мокшанской земли, ее покровительница; эрзяно-мокшанская земля в значениях «земля-матушка», «материнская земля», «родина» («мастор» – земля, страна; «ава» – мать, женщина). Эпос воспроизводит историю эрзи и мокши в период их национально-государственного становления. Основными персонажами «Масторавы» являются боги и герои; главным пер-

сонажем эрзянского и мокшанского эпоса представлен царь Тюштя как создатель государственности, установивший закон, культуру, этническое, нравственное сознание.

Ученые отнесли публикацию «Масторавы» к событиям мирового значения, поставили ее рядом со всемирно известными эпосами. Так, Н. Е. Адушкин увидел в «Мастораве» «монументальное эпическое произведение, которое достойно будет представлять мордовский народ и его культуру на международной арене» [1].

По своей художественной природе мордовская мифология ближе всего к греческой и финской, в которых также органически переплетены миф и героическая песня, где боги и люди действуют совместно, доминирует созидание. В процессе христианизации в фольклоре были переосмыслены многие мотивы христианской мифологии: о мордовской Троице – Нишке, Микуле (Микула-паз, или Мастор-паз, – бог земли) и Норов-пазе, сидящих на Мировом древе и управляющих судьбами людей.

Рассмотренные особенности репрезентации концепта «сотворение мира» в разных культурах позволяют говорить о параллельности мифологической картины мира у разных народов и взаимопроникновении культур разных эпох, а также о возможном существовании некоего «протомифа».

Поступила 02.07.2014

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

м. – мокшанский язык;
э. – эрзянский язык.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Адушкин, Н. Е. Эпос о красоте, мудрости и величии души народа // Известия Мордовии. – 1996. – 19 янв.
2. Боура, С. М. Героическая поэзия = Heroic poetry / С. М. Боура. – М. : Новое лит. обозрение, 2002. – 791 с.
3. Гуревич, А. Я. Средневековый героический эпос германских народов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://svr-lit.niv.ru/svr-lit/articles/gurevich-epos-germanskih-narodov.htm>. – Дата обращения 19.04.2013.
4. Ковалева, Т. В. История зарубежной литературы / Т. В. Ковалева, И. Л. Лапин, Н. А. Паньков. – Минск : Изд-во Университетское, 1988. – 431 с.
5. Мень, А. Библиологический словарь : в 3 т. / А. Мень. – М. : Фонд им. Александра Меня, 2002. – Т. 1. – 555 с.
6. Никонов, А. Б. Мордовская мифология / А. Б. Никонов, В. И. Первушкин // Пензенская энциклопедия. – М., 2001. – С. 258.
7. Петрухин, В. Я. Мифы древней Скандинавии / В. Я. Петрухин. – М. : Астрель, АСТ, 2002. – 464 с.
8. Пурищев, Б. И. Зарубежная литература / Б. И. Пурищев. – М. : Просвещение, 1993. – 250 с.